

Зачем Рюрику «возвращаться» в Швецию?

Согласно филогенетическим исследованиям, в России не найдено потомков скандинавов скандинавской гаплогруппы R1a-Z284

В августе прошлого года на сайте «Союза русских обществ в Швеции» была опубликована заметка под названием «Рюрик возвращается в Швецию» (<https://rurik.se/news/19941>). В этой заметке в связи с известием о работе скульптора Рикарда Хёгберга (Rikard Högberg) было сделано сообщение, которое по количеству исторических ляпов в одной фразе должно быть отмечено особым призом. В заметке на русском языке рассказывалось: «Рюрик, основавший Россию в VIII веке, пожалуй, – самый известный в мире викинг, утерянный в истории». Русскоязычная заметка явно представляла собой малограмотный перевод следующего шведского текста: «Svensken som grundade Ryssland på 800-talet, kanske världens mest kände viking har tappats bort i historien» (<https://rurikmonumentet.se/>).

Каждому, кто даже посредственно знает шведский язык, ведомо, что «800-talet» переводится на русский язык как IX в. И любой, открывший первое попавшееся издание Повести временных лет, прочтет, что призвание летописного Рюрика с братьями относится к 862 году. Но справедливости ради надо сказать, что обе приведенные фразы, как на шведском, так и на русском языках, блистают полным отсутствием исторического смысла.

Из работ шведских историков можно узнать, что в сагах слово *викинг* ясно имело значение *пират, морской разбойник, грабитель*. В этой связи можно привести, например, наблюдение исследователя исландских саг Ф.Аскеберга о том, что **в королевских сагах ни один правящий конунг викингом не назывался** (Askeberg F. Norden och kontinenten i gammal tid. Uppsala, 1944.S.114-183). Поэтому возникает законный вопрос, по какому историческому праву лица, написавшие указанные заметки, летописного князя Рюрика обзывают викингом? Далее. Любому грамотному человеку должно быть известно, что применительно к раннему средневековью, обычно, говорят о Руси, а не о России, а этноним «svensken», т.е. «швед», как явствует из работ шведских историков, в IX в. еще не существовал.

Ну, и наконец, как было означено еще в заглавии очерка, согласно результатам филогенетических исследований, в России, на Украине, в Белоруссии и в Литве практически не было найдено потомков скандинавов скандинавской гаплогруппы R1a-Z284, возникшей в Скандинавии в 1-м тысячелетии до н.э. Потомки носителей этой гаплогруппы занимают в Скандинавии по численности устойчивое третье место среди других гаплогрупп (две другие – I2a и R1b). Их носителей, помимо самой Скандинавии, особенно много на Британских островах, но они практически отсутствуют к востоку от Балтийского моря (см. работы А.А.Клёсова,

И.Л.Рожанского). Таким образом, движение выходцев из Скандинавии на Запад, вплоть до Британских островов хорошо подтверждается филогенетическими данными, а вот их рекламируемые походы на Русь предстают неким фантомом, если разумеется не предположить, что на Русь из Скандинавии шли только лица, лишенные способности к чадородию. В чем же тут дело? А дело в том, что идея: «Svensken som grundade Ryssland på 800-talet» - детище мифа или целого ряда мифов, причем мифов изначально политических, а не порожденных в научных кругах.

В предлагаемом кратком очерке я постараюсь раскрыть эту тему, для чего будет необходимо осветить три вопроса: откуда идет связь летописного Рюрика со Швецией, как возникло распространенное сейчас обыкновение смешивать правящих лиц с грязными пиратами-викингами и кто на кого мог повлиять в процессах государствообразования в русской и шведской истории?

1. Миф о Рюрике и варягах из Швеции был придуман шведскими политиками и общественными деятелями в начале XVII в. в вихре событий Смутного времени в Русском государстве. Частью этих событий было военное присутствие шведов в Новгородской земле.

Результатом этого присутствия явились и захват Новгорода летом 1611 г., и интриги шведского двора по поводу шведского принца Карла Филиппа как кандидата на московский престол, и шведская агрессия 1614 – 1617 гг. в русских землях, приведшая к Столбовскому договору 1617 г., по которому Швеция отторгала русские города Ивангород, Ям, Остров, Копорье, Корелу, Орешек с уездами и всю Неву, в силу чего русские отрезались от Балтийского моря, от своего исконного исторического права свободного выхода в Балтийское море и свободной торговли на западноевропейских рынках.

Именно такой ход политического развития породил особое направление в шведской историографии, принявшее форму грубого фантазирования на исторические темы и создания величественных картин выдуманной истории Швеции в древности. Сюжетами этих картин стали рассказы о вымышленных древних предках шведов: о шведо-готах, о шведо-гиперборейцах и о шведо-варягах, что и составило шведский политический миф данной эпохи, заложивший основу переформатирования русской истории для обслуживания конкретных политических задач шведской короны.

Успех завоевательской политики Швеции в русских землях породил амбицию увидеть шведского принца Карла-Филиппа в качестве кандидата на московский престол. Стоит отметить, что подобный поворот шведской политической мысли возник явно под влиянием польских успехов. В июле 1610 г. произошло отстранение Василия Шуйского от власти, а в августе, под давлением польского короля Сигизмунда III произошло принесение присяги московскими жителями польскому королевичу Владиславу.

Успех династийных притязаний польского короля и его сына летом 1610 г. явно подтолкнул шведских политических деятелей инициировать аналогичный проект, но со шведским принцем в качестве кандидата на московский престол. В сборнике шведских документов «Войны Швеции» («Sveriges krig»), со ссылкой на шведские архивные документы, говорится, что уже весной 1610 г. шведский король Карл IX принимает решение захватить несколько северо-западных русских городов. Военному отряду под командованием шведского наместника в Ревеле Андерса Ларссона отдается приказ выступить в направлении Ивангорода, Яма и Пскова, жители которых присягали Лжедмитрию II, и силой или хитростью принудить эти города сдаться и присягнуть либо царю Василию, **либо шведскому королю** (выделено мной-Л.Г.) (Sveriges krig. 1611 – 1632. Band I. Danska och ryska krigen. Stockholm, 1936. S. 338).

Однако в эпоху династийных традиций кандидатом на престол могло выступать лицо, обладавшее правами наследования на престол по мужской или по женской линии. Так, Сигизмунд III по линии своей матери Катерины Ягеллонки являлся потомком Ягеллонов, а литовские и русские правящие дома были переплетены межродовыми браками с глубочайшей древности.

У шведской короны ничего подобного не было, зато было кое-что получше – миф о древних шведо-готах как прямых предках шведских королей. Этот миф сложился за несколько десятилетий до Смутного времени, в рамках особого течения общественной мысли североευропейских стран, получившего название готицизм. Основу готицизма составили мифы о великих подвигах древнего народа готов, прославлявшегося как прямые наследники античности, якобы влившие свежую кровь в одряхлевшую Римскую империю и благодаря этому создавшие сильные державы Европы. Особую роль готицизм отводил Швеции, поскольку юг Швеции носит название Гёталанд, и эту область по созвучию стали связывать с прародиной древних готов, откуда они якобы вышли и начали свои завоевания в Европе. Статус прародины готов превращал Швецию в колыбель всей германской культуры.

По единодушному мнению шведских историков, самой крупной фигурой шведского готицизма был известный католический деятель и историк И.Магнус (*Johannesson K. Gotisk renässans. Johannes och Olaus Magnus som politiker och historiker. Stockholm, 1982*). Большую часть своей жизни И.Магнус провел за пределами Швеции, в основном, в Риме, где ревностно стремился отстаивать идею древности Швеции и её особую миссию как прародины готов. Эти идеи нашли свое воплощение в его версии шведской истории под названием «История всех королей готов и шведов» (1554г.). Она была принята в Швеции как официальная история Швеции вплоть до XVIII в., хотя представляла из себя пространное историческое полотно в жанре свободной фантазии.

Под пером И.Магнуса весь регион Балтийского моря превратился в гигантскую готскую державу, управляемую победоносными и могущественными гото-шведскими конунгами и якобы просуществовавшую около ста лет, чтобы далее продолжить свою блистательную историю в южных землях, в Причерноморье, где шведо-готы стали, по мнению Магнуса, выступать под именем скифов. Многие известные герои древности, согласно Магнусу, были готского, т.е. шведского происхождения. Например, имя героя Троянской войны Телефа, согласно Магнусу, есть искаженное греками шведское имя Елефф Швеции (*Nordström J. Johannes Magnus och den götiska romantiken. Akademiska föreläsningar 1929. Stockholm, 1975*).

Как видим, в рамках западноевропейского готицизма вырабатывалась особая методика историописания: когда не хватало отечественных материалов и источников для сооружения исторической конструкции, то совершался рейд в чужую историю, материалы и источники которой объявлялись своими и начинали осваиваться для собственного историописания.

Но уровень западноевропейской исторической мысли в XVI в. был таков, что рассказы И.Магнуса о героическом прошлом готов как прямых предков королей Швеции получили всеевропейскую популярность и воспринимались как исторически достоверное произведение. Обстоятельство весьма важное, ибо поддержка общественного мнения всеевропейских кругов во все времена имела весомое значение. А для шведской короны в Смутное время, выступившей завоевателем в русских землях, – принципиальную значимость. Ведь фантазии И.Магнуса на тему о том, что прямые предки шведских королей шведо-готы якобы бороздили восточноевропейские реки от Балтики до Черного моря, совершая победоносные походы в Восточной Европе, как бы наделяли шведскую корону статусом восточноевропейских «первопроходцев» с особыми «историческими» правами. Это предположение косвенно подтверждается тем, что миф о шведо-готах в Смутное время послужил пусковым механизмом для новых политических мифов – о шведо-гиперборейцах и о шведо-варягах.

О народе гипербореев, как известно, рассказывалось в античных источниках. Это – великий народ, которому приписывался значительный вклад в создание древнегреческой культуры. И вот в начале XVII в. в кругах, приближенных к шведскому королю Карлу IX, заговорили о том, что и гиперборейцы явно имели шведские корни. В 1610 – 1613 гг. высокопоставленный шведский сановник и деятель культуры Юхан Буре, близкий к королю Карлу IX, стал работать над созданием нового мифа, развивавшего и дополнявшего миф о шведо-готах. Этим новым мифом стал миф о том, что под именем гипербореев из древнегреческих источников

были также описаны предки шведов (Nordström J De uverbörnes ö.Sextonhundredastudier. Stockholm, 1934. S.102-103,113-130).

Мифы о гипербореях были объявлены источниками по древнешведской истории, которые древние греки якобы переврали, поскольку не знали древнешведского языка. А так, если приглядеться, стали уверять шведские придворные историографы, то древнегреческие имена героев были на самом деле испорченными шведскими именами, а древняя Гиперборея безусловно находилась в Средней Швеции, поскольку это название легко толкуется из шведского языка. Из этого открытия логично следовал вывод о том, что древнегреческая цивилизация – корень всей европейской культуры – также черпала мудрость из древнешведского источника. Подсоединение «гипербореады» к шведской истории открывало уже совершенно безбрежный простор для любых фантазий на исторические темы. Но эти фантазии имели легко угадываемую прагматическую цель – оформить на их базе новейшую версию восточноевропейской истории с древними шведами во главе и без русских, т.е. продолжать углублять идею исторического первенства шведских королей на Русской равнине: «Мы здесь, дескать, с самых наидревнейших, прямо гиперборейских времен! А все остальные, включая и русских, попозже подошли»

То, что создание шведской гипербореады преследовало конкретные политические задачи, подтверждается конкретными политическими мероприятиями. Именно вкупе с гипербореадой из шведской королевской канцелярии вышли мифы о Рюрике из Швеции и о варягах из Швеции.

Рюрик из Швеции явился «литературным» произведением шведских сановников. В 1613 г. ими была сфальсифицирована шведская часть протокола переговоров шведов с новгородцами относительно кандидатуры Карла Филиппа на московский престол. В этот протокол шведские сановники внесли ложные сведения о том, что новгородцы на переговорах якобы сами рассказывали о том, что был у них в древности князь из Швеции по имени Рюрик. Из позднейшего сличения документов выяснилось, что ничего подобного новгородцы не говорили. Согласно неофициальным записям секретаря Карла-Филиппа, новгородцы говорили, что «...у новгородцев исстари были свои собственные великие князья... так из вышеупомянутых был у них собственный великий князь по имени Родорикус, с родословием из Римской империи». Сфальсифицированная фраза из шведского протокола была позднее внесена шведским историком Ю.Видекинди (1672 г.) в его сочинение «История десятилетней шведско-московитской войны» о событиях Смутного времени, что придало фальсификату о Рюрике из Швеции видимость документальной достоверности.

Далее, в это же самое время шведский дипломат и доверенное лицо шведского короля по сношениям с Русским государством П.Петрей вдруг создал исторический опус «История о великом княжестве Московском»

(«Regni muschovitici sciographia»), куда внес мысль о том, что варяги из русских летописей должны были быть выходцами из Швеции. Как писатель Петрей был закоренелым прагматиком. Прагматизмом была отмечена, например, его первая публикация (1608 г.) записок очевидца событий Смутного времени «Een wiss och sanfärdigh berättelse..», охарактеризованных шведской исследовательницей Маргаретой Аттиус Сольман как политический памфлет. Свои записки Петрей посвятил нескольким влиятельным и высокопоставленным лицам, явно пытаясь использовать это маленькое произведение как подножку для одоления новой ступеньки на карьерной лестнице. Именно этим, полагает М.Аттиус, можно объяснить характер записок Петрея как явно выраженную пропаганду, подлаженную под внутреннюю политику шведской короны того времени (Stora oredans Ryssland. Petrus Petrijus ögonvitnesskildring från 1608 / Attius Sohlman M., red. Stockholm, 1997). Стремление Петрея пробиться с помощью пера было вполне объяснимо, поскольку выбирать ему было особенно не из чего.

Согласно историку К.Таркиайнену, Петрей родился в состоятельной семье (его отец Петрус Бенедиктис был епископом сначала в Вэстеросе, а затем – в Линчёпинге), но за буйное и безнравственное поведение, за вечные истории с властями по причине пьянства и неуплаты долгов он был отлучён от семьи и лишён наследства (*Tarkiainen K. Petrus Petreus. Sveriges förste kremlolog // Stora oredans Ryssland: Petrus Petrejus ögonvitnesskildring från 1608. Ed. by Attius Sohlman, M. Stockholm, 1997. S. S. 44-48*). Так что единственное, что оставалось Петрею, это, подобно трудолюбивой пчеле, пытаться извлекать сок из самых скромных своих творений.

И его чутьё, следовавшее за всеми поворотами мысли властителей дум шведского общества, подсказало ему нужный ход при написании «Истории о великом княжестве Московском» («Regni muschovitici sciographia»), опубликованной в 1614–1615 гг. на шведском языке в Стокгольме, а в 1620 г. – на немецком языке в Лейпциге. В этой работе П.Петрей, впервые в историографии, неожиданно и заявил, что варяги из русских летописей должны были быть выходцами из Швеции. (*Latvakangas A. Riksgrundarna. Turku, 1995. S. 132-137*). Неожиданно это было потому, что во-первых, эти слова шли вразрез с распространённой в XVII в. немецкоязычной историографической традицией (С.Мюнстер, С.Герберштейн), выводившей варягов из южнобалтийской Вагрии. А во-вторых, потому, что противоречили опубликованному двумя годами ранее сочинению Петрея о древних готто-шведских королях. В этом сочинении Петрей постарался в духе готицизма обрисовать подвиги древних шведских конунгов, утверждая при этом, что они завоевали полмира, достигнув пределов Азии, и собирали дань со всех земель к востоку и югу от Балтийского моря. Затрагивались и отношения с русскими, но ни слова не говорилось о шведском происхождении русских правителей. Более того, в

1614 г., когда уже начала выходить из печати шведская версия «Истории о великом княжестве Московском», было опубликовано второе издание указанной хроники о готто-шведских королях, где тем же Петреем было указано, что он «не нашёл в русских хрониках каких-либо сведений о завоеваниях шведских конунгов, но это и понятно, поскольку хроники начинают рассказ с прихода Рюрика, Синеуса и Трувора из Пруссии в 562 г.» (*Latvakangas A. Op. cit. S. 136-137*).

Создаётся впечатление, что рассуждения о шведском происхождении Рюрика и варягов Петрей в спешке внёс в готовый текст «Истории о великом княжестве Московском», даже не успев согласовать их со своими прежними публикациями. Причина этой поспешности Петрея, заставившей его в кратчайший срок между двумя публикациями перенести и варягов, и Рюрика из Пруссии в Швецию, обнаруживается во всём своём простодушии, если мы обратим внимание, что вторую книгу «Истории о великом княжестве Московском» Петрей посвятил принцу Карлу-Филиппу, которого он в мечтаниях своих уже, вероятно, видел если не на московском, то как минимум – на новгородском престоле.

Чуткий нос опытного придворного службиста уловил, что вброс идеи о шведском происхождении летописных варягов – основоположников великой правящей династии Русского государства – это как раз то, что взывает шведская политика в русских землях: «аргументы» об «историческом» правопреемстве в отношении претензий на власть, а также на владение землями (после того, как проект с Карлом Филиппом в качестве кандидата на московский престол потерпел крах).

Действительно исторических обоснований для идей Петреуса не имелось, но в условиях вековой традиции западноевропейского готицизма к историческому фантазированию, в Швеции запущенной в жизнь И.Магнусом, это никого на Западе и не интересовало. Появление верноподданической мысли Петрея о том, что и варяги из древнерусских летописей должны быть выходцами из Швеции, было совершенно естественным. Если уж гипербореи – из Швеции, то кто мешает вывести из Швеции и варягов? Ну, а что же касается научной ценности утверждения о Рюрике и варягах из Швеции, то она совершенно эквивалентна утверждению шведской донаучной историографии о гипербореях из Швеции.

2. Теперь перейдем к вопросу о том, как возникло распространенное сейчас обыкновение смешивать исторических личностей, правителей в европейской истории с грязными пиратами-викингами. К сожалению, и этот миф развился в мощный фальсификат, внесший свою долю в извращение русской (да, и не только русской) истории.

Викинг как общескандинавский образ проявился в политической мысли скандинавских стран только в XIX в. Его разработка была вызвана также не научными, а политическими интересами, причем политическими

интересами, общими для всех скандинавских стран. Новое время ставило новые задачи, а новые политические задачи в XIX в. были связаны с поисками общескандинавской идентичности. Эти поиски оформились в общественно-политическое движение, известное как скандинавизм. Скандинавизм зародился ещё в конце XVIII в. как движение в области культуры скандинавских стран, позднее слившееся с идеями общеевропейского романтизма.

Идеи романтизированного патриотизма вдохновили таких писателей и деятелей шведской культуры как Эрик Гейер (1783–1847) и Эсайя Тегнер (1782–1846) на выступления с патриотической поэзией, в рамках которой и стал формироваться тот образ «общескандинавских» викингов, который знаком нам сейчас. Из поэтических сочинений этот образ постепенно проник в исторические произведения, хотя изначально являлся феноменом художественным. Но грань между вымыслом и реальностью продолжала быть почти неосязаемой в шведской историографии того времени. Постепенно в развитие викингской темы включились также Дания и Норвегия (Hägg G. *Svenskhetens historia*. 2003; Ustvedt Y. *Verre enn sitt rykte: vikingene slik ofrene så dem*. Cappelen, 2004).

Помимо поэзии, распространению и укоренению «оперного» образа викинга-скандинава в шлеме с рогами и под полосатым парусом способствовали представители романтизма в живописи. Миф о скандинавских викингах компоновался скандинавскими романтиками благодаря присвоению данных из других культур, согласно традиции, восходящей еще к И.Магнусу. Например, рога на шлемах были позаимствованы из галльской культуры, где они были известны за несколько столетий до викингского периода. Причём использовались такие шлемы, явно, в ритуальных церемониях, поскольку отправляться в реальный военный поход в шлемах,украшенных рогами, крайне неудобно и небезопасно.

Но романтические поиски общескандинавской идентичности совпали, как уже было сказано, с новыми политическими запросами. И именно волею политических сил феномен *викинг* стал раскручиваться до противоестественных масштабов и вошел в научные и образовательные издания.

Надо сказать, что слово «viking» известно только в Западной Европе, причем для скандинавских языков оно, очевидно, является заимствованным, хотя со времен скандинавизма его безуспешно пытаются втиснуть в прокрустово ложе скандинавских «этимологий».

В каких источниках фигурировали викинги? Впервые это слово встречается в староанглийском языке в VIII в., где *uicingsceade* было обнаружено в значении пират (*uitsing* в старофризском). В старонемецком языке того же периода слово *Wiching* было найдено

как имя личное. В английском героическом эпосе «Видсид» («Widsith») скальд по имени Видсид описывает прославленных правителей, а также страны и народы, которые он посетил. Слово «викинг» упоминается дважды: в рассказе о том, как конунги Хродвульф и Хродгар из Лейре на Зеландии прогнали викингов (wicínga sunn), а второй раз – в перечне тех народов или мест, где герой «Видсида» побывал, упоминая при этом свеев, гётов, вендов, вэрингов, викингов и др.

Другим источником являются скандинавские рунные камни. Например, в Швеции в рунной надписи на одном из камней, образовавших так называемый Västtra Strömmönumentet в Сконе (конец X в.), сказано, что руны высечены в память Эсера, встретившего смерть на севере у викингов. На рунном камне в Упланд (U617) упоминается Ассур, сын ярла Хокана, который был участником обороны против викингов (vikinga vörðr). Датировка – не ранее XI в.

Адам Бременский упоминает слово викинги (Wichhingos) только один раз и совершенно определённо говорит о викингах как о некоторой части пиратов, основным театром действия которых в его время были острова в западной части Балтийского моря: «От пиратских грабежей там (имеется в виду острова Зеландия, Фюн и др. – Л.Г.) собралось много золота. Морские разбойники, которых здешние жители называют викингами, а мои соотечественники – аскоманами, платят дань королю данов взамен позволения грабить жителей, населяющих берега этого моря...» (*Adam av Bremen Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar / Översatt av Emanuel Svenberg. Kommenterad av Carl Fredrik Hallencreutz, Kurt Johannesson, Tore Nyberg, Anders Pilz. Stockholm, 1984. S.207*).

Сообщения о том, что балтийские пираты-викинги делились добычей с местными королями данов, хорошо знакомо из истории пиратства. Например, и английская корона, и французская корона были связаны с пиратством, обосновавшимся на какое-то время в водах Атлантики. Английские и французские политики использовали пиратов в своих интересах. Но корона всегда оставалась короной, а пиратство – пиратством. Понятно также, что отдельные выходцы из скандинавских стран и с южнобалтийского побережья при возможности уходили к пиратам и присоединялись к их разношёрстному братству, но пираты-викинги не состояли исключительно из выходцев из скандинавских стран и вообще не выступали как общескандинавский феномен. Викингами, например, согласно «Кругу земному», назывались также венды и пруссы, также пиратствовавшие в Балтийском море. Иначе говоря, викинги были профессией, а не этносом, в отличие о варягов, которые, согласно источникам, были народом/группой народов.

Важным источником, содержащим материалы о викингах, являются многие произведения исландской литературы. Например, в известной «Книге о занятии земли» (Landnámabók), повествующей о колонизации

Исландии выходцами из будущей Норвегии, упоминается целый ряд первопоселенцев, носивших прозвание викинга – *víkingr mikill*/великий викинг. Удивительного мало, поскольку первопоселенцами Исландии часто становились люди, оказавшиеся вне закона или как сейчас бы сказали, люди с криминальным прошлым. Среди таких викингов называли Флоки Вильгердарсона (*Flóki Vilgerðarson*) – одного из открывателей Исландии, Ингимунда Старого (*Ingimundr inn gamli*), пиратствовавшего в районе Британских островов и др. Особо надо отметить такого «великого викинга» как Эльвир по прозвищу «барнакарл» (*Olvir barnakarl*), т.е. «чадолюбивый». Согласно шведскому филологу Свену Экбу, это прозвище Эльвир заслужил потому, что не насаживал младенцев на острие копья, в отличие от других викингов, тешивших себя подобной забавой (*Ekbo Sven Personbinamn under vikinga- och medeltid // Nordisk Kulturiv. Personnamn. Stockholm, Oslo, Köbenhavn. 1947. S.280*).

Викинги упоминаются в исландских сагах (родовых и королевских сагах, в сагах о древних временах, в псевдоисторических сагах и др.), причем в различных контекстах. Шведский исследователь викингской тематики Ф.Аскеберг, разбирая тексты саг, указывал, что в сагах слово *викинг* ясно имело значение *пират, морской разбойник, грабитель*. Чрезвычайно важно для нас его наблюдение о том, что **в королевских сагах ни один правящий конунг викингом не назывался**. Другое дело, что конунги могли организовывать викингские, т.е. пиратские набеги, так сказать, в «государственных интересах» и даже участвовать в них. В качестве примеров можно вспомнить Харальда Серую шкуру (960/961 – 970), жизнь которого проходила в грабительских, т.е. в викингских походах, но саги не называли его викингом или пиратом. То же самое можно сказать об Олаве Трюггвасоне (963/968 – 1000). Он большую часть жизни провел в скитаниях и где только ни сражался: на Балтике, в Англии, в Шотландии, в Ирландии, в Уэльсе и пр., но и его саги не называют. Напротив, правящим конунгам часто приходилось защищаться от викингов/пиратов. Такие проблемы, например, были у Хокана Доброго (933-961) и у Олава Святого (1015-1028).

О викингах упоминается в скальдической поэзии и тоже – в значении «морской разбойник». Поэтому слово «*викинг*» в скандинавских источниках было проникнуто негативным смыслом. Например, в жизнеописании Александра Великого (*Alexanderssaga*), переведенного с латыни, одного из отрицательных героев – предателя обозвали викингом. Даже в юридических текстах (*Gulatinglagen*) слово «*викинг*» выступало синонимом грабителя или преступника (*Askeberg F. Norden och kontinenten i gammal tid. Uppsala, 1944*).

Но когда в XIX в. поиски общескандинавской идентичности

натолкнули скандинавских общественных и политических деятелей на мысль использовать в этих целях образ «*викинга*», уже романтизированного в поэзии и искусстве, то работа по созданию викингского мифа закипела.

В книге вышеупомянутого Ф.Аскеберга приводится подробная историография вопроса о том, как чуть не с XVIII в. в скандинавских странах пытались отыскать скандинавскую «этимологию» к слову *викинг*. Её не нашли до сих пор, что говорит само за себя, хотя к решению этого вопроса были привлечены лучшие силы ученых скандинавских стран. Свой вклад внес и Ф.Аскеберг, хотя он прекрасно владел всем комплексом источников. Но он занимался исследованиями викингской темы в конце 30-х и в 40-х годах, в том числе и в Германии, и это определяло многое. Ф.Аскеберг предложил производить слово *викинг* от глагола *vikja* – «поворачивать, отклоняться», и означавшего человека, покинувшего родные места. Но как справедливо отметила российская скандинавистка Т.Джаксон, уход из дома – не самое главное в характеристике викинга. Однако, этимология Аскеберга – это до сих пор лучшее, что могли придумать для того, чтобы «оскандинавить» слово *викинг*. Хотя современный шведский историк Дик Харрисон предпочитает высказывать более осторожную точку зрения и считает, что этимология слова *викинг* неясна (Dick Harrison *Vikingarnas historia*. 2019).

Возвращаясь к начальному этапу «викингского» периода в общественной мысли, надо констатировать, что как и в случае со шведским готицизмом, гигантомания скандинавской официальной историографии по созданию нового образа «*викинга*» не получила бы общеевропейского резонанса, если бы не пришлось под стать политическим интересам на европейском континенте. Самый яркий пример из этой серии – нацистская Германия.

Политические мифы о викингах как основоположниках древнерусской государственности оказались востребованными идеологами нацистского рейха. Уже в «Майн кампф» А.Гитлер апеллировал к ведущей роли «германского элемента» в создании древнерусской государственности: «..организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство..» (Цит.по: Фомин В.В. *Варяги и варяжская русь*. М., 2005).

Бесспорным доказательством того, что нацистские идеологи использовали викингские мифы, является создание во время войны дивизии СС «Викинг», в состав которой рекрутировались добровольцы из скандинавских стран, а также – из Нидерландов, Бельгии и др. Дивизия использовалась в боях против СССР, а затем на Восточном фронте (Польша, Венгрия, Австрия). Эсессовские «викинги» были выброшены за пределы

нашей страны, хотя выступали они, как известно, не сами по себе, а в той или иной форме – в союзе с представителями всей Западной Европы.

За последнее время викингская тема сильно пошла в рост и трансформировалась в крупные международные проекты, финансируемые из фондов Евросоюза и других фондов. Грязные средневековые пираты-викинги представляются сегодня под вывесками типа «Viking world», «Viking Age» или «The Viking Phenomenon».

Объяснить это несложно, если знать, что истоками североевропейской общественной мысли являются вышеупомянутые традиции готицизма – идейно-политического течения, становым хребтом которого была мысль о германских завоеваниях как причине возникновения государственности в Европе. С XVII в. североевропейский готицизм XVI в., в русле которого был создан образ великих готов как завоевателей мира и героических предков всех германских народов, привлек внимание английских историков. В их трудах стала пропагандироваться мысль о том, что англосаксы тоже относятся к древним германцам и наследникам готов (Джеймс Тюрелль, Уильям Темпл). И как преемники «готского» наследия они якобы обладают историческим правом выступать завоевателями – строителями новых государств. В ходе роста британского колониального господства концепции готицизма идеально работали на идею о праве Британии на мировое господство.

Кроме того, в концепциях готицизма кроется и ответ на вопрос об истоках и природе западноевропейской русофобии. Параллельно с идеями о великой созидательной природе гото-германских предков немецкими историками – готицистами создавались теории о варварстве и неспособности к цивилизованному развитию славянских народов. Эти теории также были унаследованы английским готицизмом и породили русофобию, столь ярко проявившуюся в нынешней западноевропейской политике против России. На эту политику работает сегодня и раскрученный когда-то скандинавскими деятелями образ викинга как общеевропейского завоевателя и преобразователя. Миф о пришельцах-викаингах, якобы основавших древнерусское государство, ненавязчиво подается как историческая «аргументация» в поддержку благонадежности идеи внешнего управления для России.

Российские норманисты вносят немалый вклад по внедрению викингского мифа в российскую историческую науку и другие области духовной жизни. Благодаря их усилиям большинство россиян давно перестали видеть разницу между летописными варягами и викингами-пиратами, хотя последние далее восточного угла Балтики не ходили.

3. Процессы государствообразования в русской и в шведской истории: кто на кого мог повлиять?

Согласно современным шведским историкам, процессы государствообразования в шведской истории носили поздний и затяжной

характер. Профессор гётеборгского университета Т.Линдквист, специализирующийся на исследовании шведского социо- и политогенеза, подчеркивал, что оформление государственности включает такой критерий как создание «территории под властью единого политического руководства...» и отмечал, что те признаки, которыми характеризуется раннее государство, складывались в Швеции в период XI–XIV вв., т.е. в период, следующий за викингским. Линдквист пришел к выводу, что только со второй половины XIII в. королевская власть в Швеции стала выступать «как форма относительно тонкой политической организации, как государственная власть. Именно в этот период выросли привилегированные благородные сословия с точно определёнными правами и обязанностями нести службу в пользу короля и общества. Кодификация и запись законов, а также оформление политических институтов – вот что характерно для данного периода. На рубеже XIII – XIV вв. государственная власть была представлена королевской властью и молодыми сословиями духовной и светской знати. Конец XIII в. был завершением того специфического и длительного исторического процесса социальных преобразований, характерных для Швеции в период, который, в соответствии с традиционной терминологией, может быть назван как переходный от викингского периода к раннесредневековому» (*Lindkvist Th. Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala, 1995. S. 1-5*).

Эти же взгляды развивает Т.Линдквист и в одной из работ, написанной совместно с Марией Шёберг. Опираясь на «Житие Святого Ансгара», епископа Гамбурга и распространителя христианства в Северной Германии, Дании и Швеции, побывавшего в 830 г. со своей миссией в Бирке и запечатлевшего социальные и политические отношения у свеев, Т.Линдквист пишет, что территория свеев в этот период состояла из целого ряда мелких владений, не имевших определённой структуры или иерархии, властные полномочия короля были ограничены народным собранием; какой-либо централизованной или верховной королевской власти не существовало, в силу чего невозможно определить степень её влияния на жизнь общества. Примерно такую же картину, подчёркивает Т.Линдквист, рисует нам и хронист Адам Бременский в 1070 г. по прошествии более, чем 200 лет (*Lindkvist Th., Sjöberg M. Det svenska samhället 800–1720. Klerkernas och adelns tid. Studentlitteratur, 2008. S. 23-33*).

Факт образования королевства Швеция в результате слияния территорий гётов и свеев был зафиксирован в официальном документе середины XV в.: «Королевство Швеция вышло из языческого мира, когда соединились страны Свея и Гота. Свея называлась земля на севере, а Гота – земля на юге» (*Sverikis rike är af hedne värld samankomit af Swea och Gotha landh. Swea kalladis nordanskogh och Gotha sunnanskogh*) (*Sveriges*

regeringsformer 1634–1809 samt konungaförsäkringar 1611–1800, utgiven av Emil Hildenbrand. Stockholm, 1891. S. 1-57).

Данной декларацией открывалась новая редакция свода законов Швеции, принятая в 1442 г. при одном из королей Кальмарской унии Кристоффере Баварском (1441–1448). Кристоффер был провозглашён шведским королём в 1441 г., несколько ранее – датским королём, чуть позднее – норвежским королём, а в 1445 г. – общим королём всех трёх монархий, объединившихся в унию, получившую название Кальмарской по имени шведского города Кальмара, где она была подписана.

Аналогичные взгляды высказывает и историк Дик Харрисон: «...у Иордана, Кассиодора и Прокопия... создан образ Скандинавии, для которого характерно наличие множества мелких политических единиц... совершенно невозможно реконструировать политические границы областей в вендельский или викингский периоды, исходя из названий, встречающихся в источниках XIII–XIV вв.

Область, которая в шведской историографии обычно оказывается в центре рассуждений о власти и королевстве в дохристианскую эпоху, – это Упланд. Кроме того, область Упланд всегда была фавориткой археологов. В сравнении с Эстергётланд (Östergötland) и с Вэстергётланд (Västergötland) археологическая изученность Упланд неизмеримо выше, поскольку там проводилось намного больше раскопок. Исследование Упланд проводилось в течение несколько столетий, воспринимаясь чуть ли ни как дело государственной важности. В период великодержавности в XVII в., или в период развития националистических тенденций в XIX в. Упланд рассматривалась как колыбель шведской государственности, а короли из Саги об Инглингах величались как общешведские древние монархи... Сегодня наука отбросила эти заблуждения как анахронизм и отправила их на свалку истории, хотя время от времени они появляются в туристских брошюрах или в устаревших исторических обзорах. На самом деле мы не можем с достаточной уверенностью использовать даже известные сегодня названия областей применительно к рассуждениям о вендельском или викингском периодах. Название *Упланд* мы впервые встречаем только в 1296 г., в связи с принятием свода Упландских законов. До этого внутриконтинентальная часть будущей области распадалась на три небольших земли или на три так называемых *фолькланда* (folkland от folk – народ и land – земля. – Л.Г.): Аттундаланд, Фьедрундаланд и Тиундаланд... Конкретные структуры власти – вождества, мелкие конунгства и группировки военных предводителей – запечатлелись не только в европейских хрониках, но и благодаря средневековым наименованиям этнических групп, а также благодаря архаичным названиям в сельской местности.. Когда-то история о свеях и гётах не вызывала проблем.

...Обычным для историков и археологов было представление о том, что гёты и свеи создали свои политические и военные организации,

конфликтовавшие друг с другом. Сvei, согласно этой гипотезе, подчинили себе гётов и дали имя объединённому королевству Свейарике – Швеция. Сейчас мы в это не верим, поскольку это ничем не подтверждается... ни один источник не упоминает это завоевание... Только в течение XII–XIII вв. термин *svei* стал означать членов той политической системы, которая располагалась к северу от Кольморден и Тиведен, а термин *гёты* закрепился за остальным населением королевства, прежде всего за теми крупными владельцами, которые входили в сферу архиепископств в Скаре и в Линчёпинге...» (*Harrison D. (red.) Sveriges historia. 600–1350. Stockholm, 2009. S. 26-36*).

Из вышеприведённого видно, что не только весь викингский период, но и длительное время после него политогенез в Швеции, согласно современному анализу шведских учёных, не выходил за рамки догосударственных форм. Собственно, ещё и известный шведский историк старшего поколения К.Вейбуль подчёркивал, что в период X–XI вв. ход политической эволюции в скандинавских странах (он имел в виду Данию и Швецию) не вел к стабильности: системы власти создавались и вскоре разваливались. Только к концу X столетия датскому королю Харальду Гормссону, напоминает Вейбуль, удалось упрочить королевскую власть. В Швеции процесс шёл ещё медленнее, поскольку там географический фактор был ещё сложнее. Регионы обладали большой самостоятельностью, и король был единственным связующим звеном между ними. Временами власть принадлежала нескольким королям. Даже в конце XII в. жители Сконе выбирали собственного короля (*Weibull C. Om det svenska och det danska rikets uppkomst // Historisk tidskrift för Skåneland 7, 1921.S. 344-347, 360*).

Важным моментом является и то, что учеными подчёркивается не только позднее образование шведского государства, но и его, во многом, вторичный характер: «...вторичные государства возникали под влиянием или под воздействием более древних государственных образований... Шведское государство, возникшее в позднем средневековье, было, конечно, вторичным. Оно возникло позднее многих государств в Европе и даже в Скандинавии. Целый ряд явлений и представлений носили экзогенный характер: они “вводились” со стороны. Представления о значении и функциях королевской власти, установления и ритуалы для носителей новой государственной власти были привнесены со стороны» (*Lindqvist Th. Op. cit. S. 8-10*).

Итак, шведская государственность, начавшая складываться в послевикингский период XI–XIII вв. и окончательно оформившаяся к середине XIII – началу XIV вв., никак не могла оказать какого-либо влияния на процессы политогенеза хоть в русских землях, хоть где-либо еще. Она сама носила вторичный характер и развивалась под влиянием политического опыта «со стороны». А в IX в. еще не было ни шведов, ни

самой Швеции, как отметил во время визита в Швецию глава делегации Ассоциации преподавателей на русском языке под названием «Международный Педагогический клуб» Александр Николаевич Кондряков: Рюрик не мог прибыть из Швеции, поскольку самой Швеции в его время еще не было, а на месте будущей Швеции был конгломерат «мелких политических единиц» (<http://pereformat.ru/2017/12/iz-varyag-v-greki-film-2017/>).

Таким образом, история Швеции очень молода. Но особенностью шведской историографии является стремление удревлять ее – стремление, утвердившееся еще со времен Густава Вазы и не преодоленное до сих пор.

Теперь надо хотя бы коротко рассмотреть вышеупомянутое влияние «со стороны» на возникновение шведской государственности. Кто олицетворял это влияние? И здесь нам поможет такой источник как памятник германского раннесредневекового эпоса, известный под названием Тидрексага (Sagan om Didrik af Bern, utgiven av Gunnar Olof Hylten-Cavallius. Stockholm, 1830-1854. 487 s.) Тидрексага – уникальный источник, в котором фигурируют вождь гуннов Аттила, правитель готов Тидрек – прообраз короля готов Теодориха, правитель Руси Гертнит и его сыновья король Владимир и король Осантрикс. В числе своих героев Тидрексага называет и короля по имени Вилькин. Этот король, согласно саге, славился мужеством и воинственностью. Когда-то он подчинил своей власти страну, которая стала называться по его имени Вилькинией (Wilkinaland), поскольку тогда, разъясняется в саге, был такой обычай, чтобы страна и народ получали название от имени правителя. Согласно этому обычаю страна стала называться Вилькинией, а народ – вилькинами. А сейчас (т.е. в XIII в.) эти земли, сообщается в саге, называются Свитьод и Гауталанд, а также Сконе, Зееланд и Винланд. Таким образом, говоря современным языком, король Вилькин правил в нынешней южной Швеции, на датской Зеландии и на южнобалтийском побережье. Время его правления совпадает со временем Атиллы и Теодориха, т.е. примерно, середина V – начало VI вв. в., учитывая специфику эпической хронологии.

В саге повествуется о том, что король Вилькин задумал совершить поход на Русь (Rydzeland). В то время на Руси правил король по имени Гертнит. Кроме Руси под его властью находились такие страны как Pullernaland/Pullinaland, Greken, Ungaria и многие другие. Стольным городом Руси являлся Nogard (Новгород). Тидрексага описывает Гертнита могущественным и богатым правителем. В его стране было много городов и крепостей. И это соблазняло соседних правителей приходить на Русь с грабительскими походами. Так поступали Аттила и Тидрек, так поступил и соседний король Вилькин. Он напал на Русь (Rydzeland) с большими силами. Его войска жгли и грабили все на своем пути, захватили множество крепостей и наконец, приблизились к Новгороду. Король Гертнит встретил врагов с большим войском. Долго продолжалось сражение, много русов

погибло, но победа осталась за Вилькином. Гертнит принес Вилькину клятву верности, стал его данником и был оставлен правителем Руси.

Через какое-то время Вилькин заболел и на смертном одре завещал свой престол старшему сыну Нордиану. Прослышав об этом, Гертнит посчитал себя свободным от клятвы Вилькину, собрал всех, кто мог носить оружие, набрал большое войско и отправился в страну Вилькина. Там ему удалось разбить войско Нордиана. Люди Нордиана бросили его, и тому не оставалось ничего другого, как подчиниться Гертниту и сделаться его данником. Нордиан получил в управление Зеландию и Свитьод. Таким образом, правитель Руси Гертнит стал верховной властью над землями на южнобалтийском побережье, а также над землями будущих Дании (Зеландия) и Швеции (Сконе, Свитьод и Гауталанд). Таким образом, согласно Тидрексаге, в V в. южнобалтийское побережье и Скандинавский полуостров находились под властью правителей Руси – сначала при Гертните, затем при его сыновьях – братьях Владимире и Осантриксе.

Сейчас известно, что Вилькиналанд в Тидрексаге – это название страны велетов/вильцев (с X в. стали называться лютичи) – славянского народа, населявшего в средневековье обширный ареал от восточноевропейских земель до Одера и Эльбы. Распространение имени велетов прослеживается в России вплоть до Сибири, а также – в Белоруссии и на Украине, а затем далее – на запад. Уже Птолемей упоминал народ вельтов на восток от Вислы за вендами, заселявшими ближайшую часть побережья вендского залива. Тидрексага повествует об очень о древних связях южнобалтийских славян и русских земель.

С VIII в. велеты/вильцы (лютичи) уже выступают как крупная этнополитическая общность, занимавшая большую территорию между ободритскими землями и Польским Поморьем и дальше других политий на южнобалтийском побережье, вплоть до второй половины XI в., сохранявшая свою политическую независимость и сопротивлявшаяся христианизации.

Спустя несколько столетий (с 798 по 1157 г.), согласно данным исследователей, мы встречаем велетов/вильтинов (велетабов-вильцев) западнее, на том же балтийском побережье между реками Варной, Одером и Гавелем. Франкский историк Эйнгард, впервые упоминающий позднейших велетабов-вильцев в числе славянских и айстских народов на южном берегу Балтийского моря, называет их славянами, имена их князей – славянские: Драговит, Любый, Милогость, Цьлодраг.

Велеты/вильтины, которых немецкие источники называли вендами, уже в 560 – 600 гг. поселились во Фризии и возвели там крепость, названную по их имени Вильтабург (Wiltaburg), а местность вокруг крепости – Вильтения (Wiltenia). На галльском языке город назывался Утрехт. Помимо Вильтабурга во Фризии был город Славенбург и другие славянские города. А.Ф.Гильфердинг, со ссылкой на Шафарика, помимо Вильтенбурга и

Славенбурга, называл во фризских землях такие славянские города, как Вильта, Видениц (т.е. Воденец), Свята (Sueta), Камень. Велеты/вильтины имели поселения не только в Голландии, но и в Баварии. Там они построили еще один Вильтенбург (Вильцбург) к югу от истоков реки Раданицы (Rednitz), между Нюрнбергом и Донаувёртом.

О расселении велетов/вильтинов имеется интересный материал у Томаса Шора в книге «Происхождение англосаксонского народа». Стремясь выделить всех предков англичан, Шор большое внимание уделял славянским народам. По его убеждению, самыми древними обитателями в Германии к востоку от Эльбы являлись славяне, ибо не дошло каких-либо преданий о более ранних жителях в этой области, а все древнейшие топонимы сплошь славянские. Шор напомнил, что эти народы были известны римским авторам под именем венедов или вендов. Венды интересовали Шора как один из народов, участвовавших в создании английской нации.

С миграциями венедов/вендов на Британские острова, по его предположению, были связаны такие поселения, оставшиеся еще от римского периода, как Виндогладия (Vindogladia) и Виндилия (Vindilia) в Дорсете, Виндомис (Vindomis) в Хэмпшире. Названия всех этих населенных пунктов, полагал Шор, были даны вендскими поселенцами по имени своего народа. При этом он подчеркивал, что вендские переселения на Британские острова происходили еще в римское время, т.е. в период, предшествовавший англосаксонскому периоду в английской истории. В числе вендов Шор выделял и велетов/вильтинов как один из народов, также участвовавших в формировании английской нации. Вильтины/вильцы (Wilti) дали свое имя области Уилтшир (Wiltshire), а некоторые более ранние поселения, связанные с вильтинами, именовались Уилсэтен/Вилсэтен (Wilsaeten). Уилтшир был заселен во второй половине VI столетия, и по мнению Шора, вильтины могли переселиться туда как из поселений вильцев во Фризии, так и непосредственно из Приэльбской области или из Балтии, как исконные вильтины/Wilsaetas (Shore Th.W. Rugians, Wends and tribal Slavonic settlers // Origin of the Anglo-Saxon race – a Study of the settlement of England and the tribal origin of the old English people. London, 1906. P. 84-102).

История заселения вендами будущей Англии, которая, согласно Шору, восходит к римскому времени, перекликается и с темой данного очерка. Если велеты/вильтины уже с римского времени были участниками широких миграционных процессов и возводили города по всей Западной Европе, вплоть до Атлантического побережья, то рассказ о них в Тидрексаге, относящийся к V в., как о сильном народе с могущественными правителями, вполне историчен. И тогда Тидрексаге можно доверять и как историческому источнику, рассказывающему об отношениях правителей

вильтинов с правителями Руси, тем более, что имя Руси прослеживается на путях миграций велетов/вильтинов также вплоть до Британских островов

Для данного очерка особенно важно подчеркнуть тот факт, что согласно Тидрексаге, правители велетов/вильтинов и правители русов правили на Скандинавском полуострове ещё в V в., т.е. до появления там геманоязычных народов (свеев, гётов, данов). Следовательно, Скандинавский полуостров осваивался древними русами и велетами/вильтинами, создавшими здесь первые королевства и выступившие той субстратной средой, в лоне которой расселялись позднее носители северогерманских языков, мигрировавшие с европейского континента на Скандинавский полуостров. Происходило это согласно известным на сегодня источникам, в период V – VII вв. Но роль славянского субстрата оказалась вытесненной из науки под влиянием роли утопий готицизма, в течение нескольких столетий утверждавших мысль о примате германского духа в создании европейской государственности.

Заключение. Все вышеприведенные материалы подводят к однозначному выводу: нет никаких оснований говорить о выходе летописного Рюрика из Швеции.

Так, высказывание Рикарда Хэгберга о том, что князь Рюрик якобы мог быть выходцем из Бирки (*Rurik troligen stammade från Birka*) не имеет под собой никакой опоры в источниках. У нас есть два очень серьёзных источника, в которых описывается общество свеев и их правители в интересующий нас период. Это **«Житие Святого Ансгара»**, епископа Гамбурга, дважды побывавшего в Бирке с миссией распространения христианства – в 830 г. и в 852 г. Данное «Житие» было составлено в 865-876 гг. преемником Ансгара, архиепископом Римбертом (умер в 888 г.). Труд Римберта использовался хронистом Адамом Бременским при написании **«Деяний архиепископов Гамбургской церкви»**. Рассказ Римберта дополнялся сведениями, которые Адам Бременский получал в личных беседах с королем данов Свеном Эстридссеном (1020-1076). Этот конунг старался сообщать Адаму Бременскому самые значительные факты из истории скандинавских стран и их правителей.

Среди таких важных фактов был, например, рассказ Свена Эстридссона о браке Ингегрды с Ярославом Мудрым. Без рассказа Свена Эстридссона мы бы и не знали, на ком был женат Ярослав, поскольку русские летописцы не придали этому факту значения, сообщили только о рождении первенца у Ярослава. А для небольших государств факт подобного брака был предметом гордости: дескать, вот какие великие государи вступали с нами в связь и сватали наших принцесс. Но ни о каком выходце из Бирки, основавшем в восточноевропейских землях величайшее политическое объединение, Свен Эстридссон не сказал ни слова, следовательно, ничего подобного не было в действительности! Пропустил бы он иначе такой факт, как же!

Выше были приведены результаты исследований шведских учёных, согласно которым процесс образования шведского государства как слияние свеев с севера и гётов с юга Швеции происходило в течение нескольких столетий или, образно говоря, Стокгольм объединялся с Гётеборгом в течении нескольких сот лет. Давайте вспомним, что объединение Новгородских земель и Киевщины в Поднепровье завершилось в течение пары десятков лет (согласно летописи, в лето 6370 князь Рюрик прибыл в Новгород, а в лето 6390 князь Олег сел княжить в Киеве, провозгласив: «Се буди мати градомъ русьским»).

Совершенно очевидно, что выходцы из района будущего Стокгольма здесь ни при чем. Иначе получается, что в лоне своих маленьких ландшафтов у этих выходцев сил для объединения не хватало, поэтому и потребовался такой длительный период, а на необъятных просторах неведомой страны те же люди за какие-то два десятка лет создали гигантскую державу? Это – мифы, и очевидно, что процесс русского политогенеза шёл совершенно иным путём, нежели это мыслится на базе приведенных мифов.

Под занавес надо добавить, что согласно выводам шведских археологов, в Швеции не найдено судов, пригодных для осуществления дальних экспедиций водным путем (Edberg Rune. Sigtunaleden – och mysteriet med de saknade vikingaskeppen // Situne Dei. Årsskrift för Sigtunaforskning. Utgiven av Sigtuna Museum. Sigtuna, 2007. S. 79 – 97).

Вот фото шведской ладьи из Орби (область Упсалы или Средней Швеции), датируется викингским периодом, т.е. IX – перв. пол. XI вв., хранится в стокгольмском Историческом музее. Это лучшее, что шведская история может предъявить своим потомкам. Как видим, эта ладья не напоминает остов судна, созданного Рикардом Хэкбергом в его скульптурной группе. Судя по всему, это судно должно воспроизводить знаменитый драккар. Но и тут получается неувязочка: драккары были хороши для морских экспедиций, но не годились для плавания по восточноевропейским рекам с порогами и волоками. А кроме того, согласно вышеприведенной статье Рюне Эдберга, драккары не были найдены в Швеции, только в Дании и Норвегии.

Ну, и еще пару слов о Рюрике и о Рослагене. В шведской историографии принято выводить Рюрика и его русов из Рослагена. Вот отсылка к Википедии: «För västliga historiker och forskare låter teorin om en nordisk bakgrund för ruserna som den rimligaste. De härleder ordet "rus" via den finska beteckningen på Sverige *Ruotsi* till *Roden* namnet på *Roslagen*» (<https://sv.wikipedia.org/wiki/Ruser>). Но нажав на ссылку к топониму *Руден*, мы узнаем, что его первое упоминание относится к 1296 г. Еще хуже обстоит дело с Рослагеном. В форме Roslagen (Rodzlagen) это название появляется только в 1493 г. Что перед нами? Полнейший абсурд! К этому надо добавить, имя Рюрик никогда не было скандинавским, а только заимствованным в скандинавских именованных, причем очень поздно (<http://pereformat.ru/2019/06/groth-name-rurik/>).

И куда же теперь со скульптурной группой Рюрика деваться? Мой совет: прямиком в Мекленбуржье! В распоряжении науки имеются достаточно достоверные источники, которые содержат сведения о том, откуда летописный Рюрик прибыл к приильменским словенам и зачем его призывали.

Примером может служить историко-географический труд немецкого гуманиста С. Мюнстера «Космография», вышедший в Базеле в 1543 г. и содержащий обзор европейских правителей и династий. В числе прочих был упомянут и князь Рюрик, призванный в Новгород от народа вагров или варягов, главным городом которых был Любек (...einer mit Namen Rurich aus den Folckern Wagrii oder Waregi genannt, deren Hauptstatt war Lübeck). Важно подчеркнуть, что одним из вдохновителей труда С. Мюнстера был шведский король Густав Ваза (ум. 1560), которому С. Мюнстер и посвятил свой труд. Кроме С.Мюнстера о вагско-ободритской родословной Рюрика сообщали и другие западноевропейские авторы XVI–XVII вв. (С.Герберштейн, М.Стрыйковский, К.Дюре, И.Ф.Хемниц, А.Майерберг и др.).

Память о происхождении княжеского рода Рюрика из Мекленбургских земель подтверждается и другим источником. В 1610 г. был опубликован труд ректора городских училищ в Новом Бранденбурге /

Мекленбурге и Фленсбурге /Шлезвиге Бернгарда Латома (1560-1613) «Genealochronicon Megapolitanum» с генеалогией Мекленбургского герцогского дома, где в числе наиболее именитых предков герцогов мекленбургских Б.Латом называет и призванных предками новгородцев Рюрика, Трувора и Синеуса (Rurich, Sinaus, Truwor, Wagerisch&Obetritische Prinsen nach Rusland berussen), которые являлись сыновьями князя вендов и ободритов Годлава (Godelaibus oder Gudlaff, Furst der Wenden und Obetriten), скончавшегося в 808 г. (Thomas Friedrich. Avitae Russorum atqve Meclenburgensium Principum propinqvitatits seu consanguinitatis monstrata ac demonstrata vestigia.- Rostock, 1717).

Сведения о происхождении князя Рюрика из вагско-ободритского королевско-княжеского рода сохранились в народных преданиях мекленбургской земли. В XIX столетии французским путешественником, переводчиком и писателем, членом Французской академии (1870) Ксавье Мармье (Xavier Marmier, 1808-1892), совершившем путешествие по Мекленбургу, были записаны народные предания об истории этого края. В рассказах Мармье сообщаются сведения о Рюрике – сыне короля ободритов Годлаве/Годославе (*М.И.Жух* Xavier Marmier. Le Mecklembourg / Ксавье Мармье. Мекленбург. Русский перевод Записок о путешествии Ксавье Мармье в Мекленбург) // Исторический формат № 3/2016). Записки Мармье – результат полевых этнографических исследований, т.е. источник, имеющий безусловную научную ценность.

Это только часть источников с достоверными рассказами о происхождении летописного князя Рюрика. В них же содержатся и сведения причине его призвания. Никакой мистики там не было. Рюрика призывали на княженье к ильменским словенам как внука своего деда по матери. В политической антропологии это определяется как матрилатеральная традиция поддержания преемственности власти, к которой прибегают, когда пресекается мужская линия. Явление это хорошо известно из династийной истории европейских стран, в том числе, из шведской истории. Напомню, например, что в первой половине XIV в. в Швеции создалась сильная оппозиция правящему королю Магнусу Эриксону (1319 – 1364) и его сыновьям – принцам Эрику Магнуссону (1356 – 1359) и Хокану Магнуссону (1340 – 1364). В конце концов, оппозиция настолько усилилась, что и король, и его оставшийся в живых сын Хокан, который на короткое время провозглашался королем, были низложены, а влиятельные люди страны отправились «за море» представительное посольство просить в шведские короли сына герцога Мекленбургского – Альбрехта. Руководствовались при этом матрилатеральной традицией наследования. Дело в том, что матерью молодого герцога Альбрехта Мекленбургского была шведская принцесса Эуфемия, отданная замуж в Мекленбургское герцогство. Сын шведской принцессы «из-за моря» был законным наследником на шведский престол.

Можно вспомнить пример из английской истории, когда королевский трон получил прибывший из Франции внук умершего без наследников Генриха I, сын его дочери Матильды по имени Генрих Плантагенет (1133-1189). Генрих Плантагенет был приглашен на престол как внук своего деда по матери, как и Рюрик. И в Англии началось правление новой династии.

Примеров подобного рода можно привести множество, и все они отражают достаточно устоявшийся порядок поддержания преемственности власти в наследных институтах, когда каждый последующий кандидат в качестве обоснования легитимности своих претензий должен был тем или иным образом объявить/доказать связь с существующим правящим родом. Она необязательно должна была быть кровной, а могла быть установлена и юридическим актом (брак, усыновление/удочерение), но в любом случае правитель, местный или призванный со стороны, должен был обладать легитимностью. Эта традиция уходит своими истоками в глубокую древность, о чем сейчас хорошо известно исследователям в области политической антропологии. Древнерусский институт наследной княжеской власти также намного древнее того времени, когда призывали князя Рюрика, как о том свидетельствует Тидрексага. Рюрик, как и Генрих Плантагенет, основал новую династию, а не Русь. Русь образовалась задолго до призвания Рюрика.